Управление наукой и наукометрия. 2024. Т. 19, № 1
Science Governance and Scientometrics. 2024;19(1)
ISSN 2686-6706 (print), ISSN 2686-6714 (online)

НАУКА В МИРЕ

SCIENCE IN THE WORLD

Научная статья / Original research
УДК 001.89
https://doi.org/10.33873/2686-6706.2024.19-1.140-159

Потенциал научного сотрудничества российских аналитических центров с Глобальным Югом

Людмила Игоревна Вавилова

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия
likravchenko88@mail.ru

Резюме
Введение. Настоящая статья представляет собой анализ данных экспертного опроса, проведенного среди сотрудников российских аналитических центров, направлена на решение научной проблемы — оценку текущего уровня научного сотрудничества России с новыми партнерами в условиях геополитического поворота Российской Федерации, анализ потенциала подобного сотрудничества — и отвечает на вопрос, какая проблемная повестка может стать объединяющий, способной придать кумулятивный эффект международному научному сотрудничеству. В статье также раскрыты основные проблемы, с которыми сталкиваются аналитические центры при выстраивании научного сотрудничества с коллегами из стран Глобального Юга. Проанализирована степень сотрудничества по линии аналитических центров со странами ЕАЭС, Глобального Юга, в каких направлениях ведется сотрудничество и с какими государствами, как изменилась интенсивность международных коммуникаций за последние 2 года, а также какая общественно-политическая повестка является приоритетной в работе научного сообщества. **Методы исследования.** Для решения исследовательских задач были использованы как общетеоретические, так и эмпирические методы: систематизации и обобщения; экспертный опрос, результаты которого позволили оценить текущий уровень научного сотрудничества и определить приоритетные направления научной дипломатии. **Результаты и дискуссия.** На основе данных экспертного опроса среди ведущих российских аналитических центров определен текущий уровень научной коммуникации, ранжированы страны по уровню интенсивности научных контактов, выявлены основные формы научного сотрудничества, а также проанализирована проблемная повестка российского научного сообщества.

Заключение. Россия имеет высокий потенциал научного сотрудничества со странами Глобального Юга, в основе которого лежит уже имеющийся опыт, а также схожесть проблемных повесток, стоящих перед научными сообществами России и стран Глобального Юга.

Ключевые слова: международное сотрудничество, аналитические центры, научная дипломатия, наука, Глобальный Юг, конференции, мировой порядок

Для цитирования: Вавилова Л. И. Потенциал научного сотрудничества российских аналитических центров с Глобальным Югом // Управление наукой и наукометрия. 2024. Т. 19, № 1. С. 140—159. DOI: https://doi.org/10.33873/2686-6706.2024.19-1.140-159

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России и Экспертного института социальных исследований, номер госрегистрации работы 123091200069-1.

Potential for Scientific Collaboration Between Russian Think Tanks and the Global South

Lyudmila I. Vavilova

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
likravchenko88@mail.ru

Abstract
Introduction. This article analyses expert survey data conducted among Russian think tank employees and is aimed to assess the current level of scientific cooperation between Russia and new partners amidst Russia's geopolitical shift, analyses the potential for such cooperation, and answers what problematic agenda can unify and provide a cumulative effect to international scientific cooperation. The article also gives the main challenges that think tanks face when establishing scientific cooperation with colleagues from the Global South. The article addresses whether think tanks cooperate with EAEU countries and the Global South, in which areas the cooperation takes place and with which countries, whether the intensity of international communications has changed in the last 2 years, and what social and political agenda is prioritised in the scientific community's work. **Methods.** Both general theoretical and empirical methods were used to solve the research tasks: systematisation and generalisation; an expert survey, which results allowed for the assessment of the current level of scientific cooperation and the identification of priority areas for scientific diplomacy. **Results and Discussion.** Based on an expert survey among leading Russian think tanks, the current level of scientific communication was determined, countries were ranked by the intensity of scientific contacts, main forms of scientific cooperation were identified, and the problematic agenda of the Russian scientific community was

analysed. **Conclusion.** Russia has significant potential for scientific cooperation with Global South countries, based on existing experience and similar problem agendas faced by the scientific communities of Russia and the Global South.

Keywords: international cooperation, think tanks, science diplomacy, science, Global South, conferences, world order

For citation: Vavilova LI. Potential for Scientific Collaboration Between Russian Think Tanks and the Global South. *Science Governance and Scientometrics*. 2024;19(1):140-159. DOI: https://doi.org/10.33873/2686-6706.2024.19-1.140-159

Acknowledgements: the article was prepared with support from the Ministry of Education and Science of Russia and the Expert Institute for Social Research, state registration number 123091200069-1.

Введение / Introduction

Санкции в отношении России в 2014 г. привели к сокращению международных контактов по линии науки. Например, за последующие годы на 5 % снизилась доля статей, публикуемых в международном соавторстве, в общем числе российских публикаций [1]. С 2022 г. наблюдается отток иностранных ученых из России, возникли сложности с участием российских ученых в международных конференциях, стажировках. До 2022 г. российская наука преимущественно была ориентирована на сотрудничество с западными партнерами. В 2021 г. пятерка лидирующих стран с долей статей в соавторстве за 2021/2011 гг. в базе Scopus выглядела следующим образом: США, Германия, Китай, Великобритания и Франция [1]. Проведенный в 2018 г. группой российских ученых мониторинг взаимодействия российских научных и образовательных организаций с зарубежными учеными показал, что основная часть иностранных ученых, приезжавших в Россию, — резиденты западных стран (Германии, Польши, Италии, США) и незападных государств (Республики Беларусь и Китая) [2]. Аналогичные данные были получены и в других исследованиях [3]. Ограничения в отношении науки со стороны западных государств актуализировали вопрос о поиске новых партнеров. Минобрнауки России объявило, что планирует придать новый импульс дальнейшему развитию сетевых университетов по линии СНГ, БРИКС, ШОС и РАФУ, а также сотрудничеству со странами Латинской Америки, Африканского и Азиатско-Тихоокеанского регионов[1]. Российские ученые, активно занимающиеся западным направ-

[1] Майер А. Российская наука ищет новые страны для сотрудничества // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/10/962440-rossiiskaya-nauka-ischet-novie-strani-dlya-sotrudnichestva (дата обращения: 30.01.2024).

лением, проявляют интерес к работе с учеными из государств ЕАЭС и незападных стран.

Данная статья выполнена в рамках исследовательского проекта «Роль аналитических центров и экспертных сообществ в развитии научной дипломатии в отношениях со странами Глобального Юга в части формирования роли России в мире и образа будущего России» при поддержке Минобрнауки России и Экспертного института социальных исследований. В работе представлены итоги опроса российских экспертов о международном сотрудничестве со странами Глобального Юга и ЕАЭС. Опрос проведен ИНИОН в октябре — ноябре 2023 г.

Актуальность данного исследования обусловлена изменением внешнеполитического контекста развития России: перед страной актуализировался запрос на поиск новых направлений сотрудничества, в т. ч. по линии аналитических центров. Аналитические центры, охватывающие такие направления научной дипломатии, как университетская, академическая и экспертная [4], способны стать третьей силой, которая в одном случае смягчит негативное восприятие России, в другом — позволит расширить научные контакты, в т. ч. с заинтересованными акторами, испытывающими дефицит информации о российском партнере. В данном исследовании под странами Глобального Юга понимаются государства Индия, Китай, Бразилия, Мексика, страны Африки. Также в российской политической науке встречается термин «Глобальный Юг и Восток» для обозначения данной группы стран [4]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что термин «Глобальный Юг» вытекает из самой истории понятия «третий мир» [5]. Научное сотрудничество выступает составной частью научной дипломатии и в данной статье рассматривается в контексте реализации национальных интересов России, что делает его созвучным термину «научная дипломатия». Согласно работам немецких исследователей Тима Флинка и Ульриха Шрайтера, одной из целей научной дипломатии является влияние на общественное мнение и на лиц, принимающих решения, в других странах [6]. В данной статье научная дипломатия рассматривается как реализация научного сотрудничества между странами для решения общих проблем, стоящих перед человечеством в XXI в., и построения конструктивных международных партнерств в сфере науки [7]. Согласно докладу Лондонского королевского общества (Великобритания) и Американской ассоциации содействия развитию науки, есть 3 направления научной дипломатии: наука для дипломатии, наука в дипломатии и дипломатия для науки. В рамках данной статьи речь будет идти о первом направлении, т. е. использовании научной коммуникации для построения и улучшения отношений между странами на нейтральной основе[2].

---

[2] New Frontiers in Science Diplomacy. Navigating the Changing Balance of Power // The Royal Society. 2010. URL: https://royalsociety.org/-/media/policy/publications/2010/4294969468.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

Методы исследования / Methods

Для решения исследовательских задач были использованы как общетеоретические, так и эмпирические методы: систематизации и обобщения, экспертный опрос, результаты которого позволили оценить текущий уровень научного сотрудничества и определить приоритетные направления научной дипломатии.

Список (база данных) экспертов формировался различными способами. Основу базы составили эксперты, чьи профессиональные интересы отвечали поставленной задаче: это специалисты в сфере изучения стран Глобального Юга или авторы статей по тематике аналитических центров. В дополнение к ним были отобраны эксперты — научные сотрудники ведущих аналитических центров, включенных в справочник российских аналитических центров, как правило, руководители отделов или центров[3].

Общее число экспертов составило 202 сотрудника аналитических центров, ответы были получены от 63 чел., из них 19 ответов — с отказом принять участие в опросе.

Письма адресовались непосредственно экспертам, носили адресный характер и начинались с обращения по имени-отчеству, что должно было повысить процент ответов. По мнению исследователей М. М. Соколова и К. Д. Титаева, российское научное сообщество может игнорировать запросы, направленные в качестве общей рассылки, без обращения к персоналиям [8]. Три ответа были получены в ходе телефонного опроса, остальные — посредством электронных писем. Устное взаимодействие показало, что такой вид коммуникации является более информативным, чем электронная переписка.

Больше ответов было получено при повторном запросе-напоминании. Эксперты назвали в качестве главной причины долгого ответа свою чрезмерную загруженность. Некоторые эксперты при ответе указали на свои связи или хорошее отношение к ИНИОН. Низкий процент ответов на рассылку (30,7 %) является показателем невысокой коммуникативной активности российского научного сообщества, который негативно воздействует на показатели международного сотрудничества.

[3] Атлас аналитических центров ЕАЭС: справочник / под ред. А. В. Кузнецова. ИНИОН РАН, Центр междисциплинарных исследований. Москва: ИНИОН РАН, 2021. 206 с. URL: https://inecon.org/docs/2021/Atlas_AC_EAEU.pdf?ysclid=ltcyvc6g41885142125 (дата обращения: 30.01.2024).

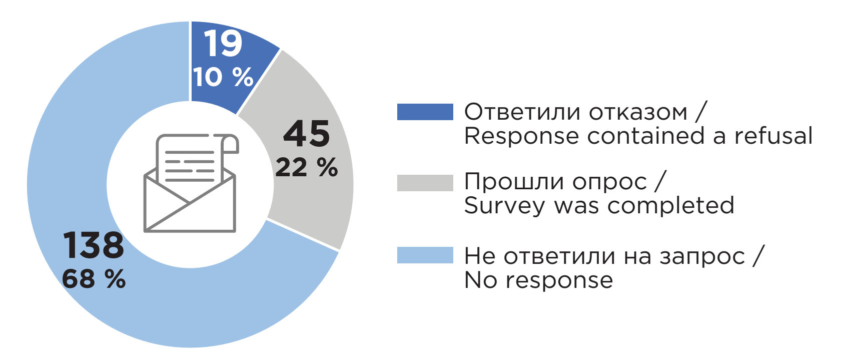

Рис. 1. Результаты рассылки по 202 электронным адресам
Fig. 1. Results from communications sent to 202 emails

Н. И. Бубнова отмечает в своей работе, что для российского научного сообщества характерны слабая коммуникация, отсутствие опыта международного взаимодействия, закрытость, подозрительность, фактически нередко наше сообщество воздвигает своего рода виртуальный «железный занавес»[4].

Результаты и дискуссия / Results and Discussion

Ответы были получены от экспертов — сотрудников 32 аналитических центров. В опросе приняли участие научные сотрудники организаций, некоторые из которых занимают также пост преподавателей в образовательных организациях, но опрос касался исключительно их работы в аналитическом центре.

На рисунках 2—4 представлена характеристика структур.

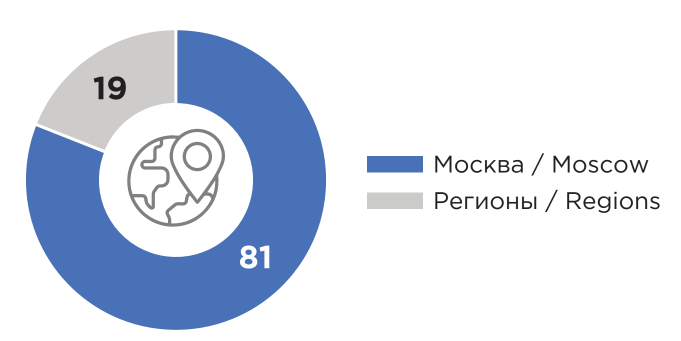

Рис. 2. Характеристика структур по географическому распределению, %
Fig. 2. Characteristics of structures by geographical regions, %

[4] Бубнова Н. И. Продвижение идей в общественно-политических науках: немного солнца в холодной воде. Москва: РОССПЭН, 2019. 207 с.

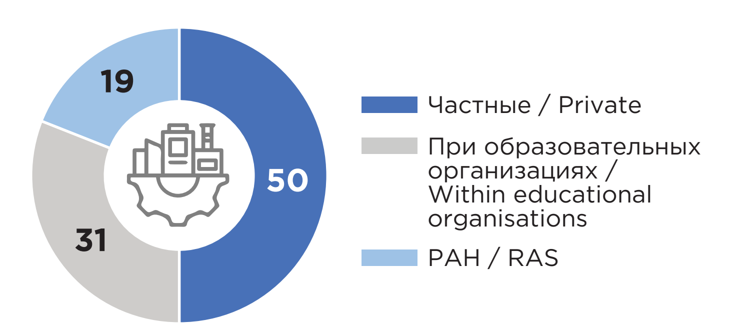

Рис. 3. Характеристика структур по форме организации, %
Fig. 3. Characteristics of structures by organisation type, %

Примечание: при образовательных организациях — МГИМО, ВШЭ, РАНХиГС и др., Центры при РАН.

Note: within educational organisations include MGIMO, HSE, RANEPA, et al., RAS Centers.

Рис. 4. Характеристика структур по научному профилю, %
Fig. 4. Characteristics of structures by scientific profile, %

Согласно условиям опроса, все данные публикуются анонимно, без указания фамилий экспертов, принявших участие в опросе.

30 % экспертов (19 чел.) отказались принять участие в опросе. Среди причин отказа были названы следующие: некомпетентность по теме исследования; несоответствие критериям отбора (на пенсии, не работают в организации, живут за границей); эксперт не занимается регионом, о котором шла речь в исследовании; не уполномочен давать информацию от имени организации в частном порядке. Часть экспертов не конкретизировали причину отказа.

При составлении базы научных экспертов были выявлены сложности, которые, на наш взгляд, снижают потенциал научной коммуникации с иностранными партнерами.

1. Сайты аналитических центров не содержат актуальную информацию о сотрудниках, вышедших на пенсию или сменивших место работы.

2. Во многих исследовательских структурах отсутствуют электронные адреса сотрудников. Иногда приходилось находить их

в научных статьях, что требовало много времени. Не все статьи содержат данную информацию. Часть экспертов не попала в выборку по причине невозможности связаться с ними.

3. В некоторых исследовательских организациях нет перечня сотрудников; на сайте представлены публикации экспертов, не являющихся сотрудниками организации. На сайтах некоторых аналитических центров нет информации ни об одном сотруднике / эксперте (например, Международного института новейших государств, Международного института политической экспертизы и др.).

4. Отдельные структуры закрыты, особенно те, которые западными аналитиками классифицируются как разведывательные учреждения. Сотрудники Российского института стратегических исследований (РИСИ) не дают частные ответы, все ответы должны быть получены официально через организацию, в СВОП нет электронных адресов и нет возможности их найти, запрос на общий адрес остался без ответа.

Вышеприведенные факторы, а также отсутствие у ряда организаций англоязычной версии сайта могут негативно влиять на перспективы международного сотрудничества, поскольку в условиях языкового барьера письменная коммуникация остается основным каналом связи.

К этому стоит добавить недостаточный (по сравнению с естественно-научной направленностью) уровень интеграции российских наук, относящихся к гуманитарной сфере, в международное научное пространство [9].

Опрос состоял из 3 вопросов. Первый был направлен на выявление профессиональных коммуникаций с исследователями из стран ЕАЭС и незападных государств (перечень содержался в вопросе). В случае наличия научных связей конкретизировались виды и страны, а также изменение интенсивности сотрудничества за последние 2 года. При отсутствии научных контактов мы просили конкретизировать причины и заинтересованность в таком сотрудничестве. Второй вопрос был посвящен научной повестке, стоящей пред мировым сообществом. Третий вопрос касался готовности экспертов принять участие в более углубленном опросе и желании получить результаты нашего исследования.

При ответе на 1-й вопрос 18,2 % экспертов указали, что не сотрудничают с данными странами, однако только 3 из 8 чел. дали полный ответ, указав причины: не интересует этот регион (2 ответа), есть проблемы с доступностью информации о партнерах из этих стран, есть негативный опыт взаимодействия, тема не требовала общения с учеными из указанных регионов («...при этом активно использовал англоязычные публикации, среди них были работы ученых из Индии, Турции, Казахстана, но особой потребности именно во взаимодействии, контактах с исследователями просто не было»). Один из экспертов отметил, что «...хотели бы иметь профессиональные коммуникации с исследователями из стран ЕАЭС и незападных стран — Китая, Ирана, Турции, Египта, Израиля. Есть большой интерес в проведении совместных исследований, акаде-

мических обменов, подготовке научных публикаций, проведении совместных научных мероприятий». Как следует из ответов, среди российских экспертов есть информационный пробел относительно данных о новых партнерах. Проводимый опрос иностранных экспертов позволил выявить аналогичную причину в отношении российской стороны.

Негативный опыт касался взаимодействия с коллегами из Казахстана: «...в 2022 году послал свою монографию в Центр Н. Назарбаева по развитию межконфессионального и межцивилизационного диалога (Казахстан) (это тема моих исследований), хотел наладить с ними контакты. Но они не ответили. После февраля 2022 г. этот центр неохотно отвечает на предложения о взаимодействии из России, иногда не отвечали даже на официальные письма со стороны российских вузов (хотя полностью не прервали коммуникацию, иногда взаимодействуют). Например, недавно приглашал коллег из названного казахстанского Центра принять участие в конференции по непосредственно их теме (по Zoom), но они отказались, сославшись на то, что занимаются подготовкой к какому-то мероприятию. В следующем году уверили, что примут участие».

Один из экспертов указал, что работают с ЕАЭС только по запросу, при этом сами активно ведут работу в этом направлении — делают карту коммуникационных агентств: Центрально-Азиатской Рекламной Ассоциации (ЦАРА) и Маркетинговой Ассоциации Узбекистана (МАУ) (Казахстан и Узбекистан). Один эксперт указал, что если исследование потребует контактов с учеными из указанных регионов, а не просто знакомства с их работами, то он заинтересован в установлении научных коммуникаций.

Несмотря на отсутствие контактов, 5 из 8 опрошенных выразили готовность в будущем взаимодействовать с иностранными исследовательскими организациями.

81,8 % экспертов (44 чел.) ответили, что они или их организация осуществляют сотрудничество со странами ЕАЭС или Глобального Юга. Распределение по странам представлено на рис. 5.

Таким образом, наиболее тесные контакты сформировались с Китаем, Индией, Турцией, Вьетнамом и ЕАЭС. Среди прочих стран были названы Мексика, Монголия, Узбекистан. Несмотря на участие России в БРИКС, научные контакты по линии Бразилии и ЮАР незначительны. Картина научного сотрудничества напрямую связана с интенсивностью внешнеполитических контактов. Основными направлениями сотрудничества являются проведение совместных научных мероприятий и подготовка научных публикаций (рис. 6). Среди прочих мероприятий были обозначены участие в конференциях и работа со стажерами. Реже всего называли такой формат сотрудничества, как академические обмены. Один из экспертов отметил, что академические обмены стали скорее пережитком прошлого: «...на данный момент уже не выделяются средства на академические программы. Россия организует мероприятия, в рамках которых приглашает экспертов за свой счет к участию, но своих сотрудников не отправляет за рубеж».

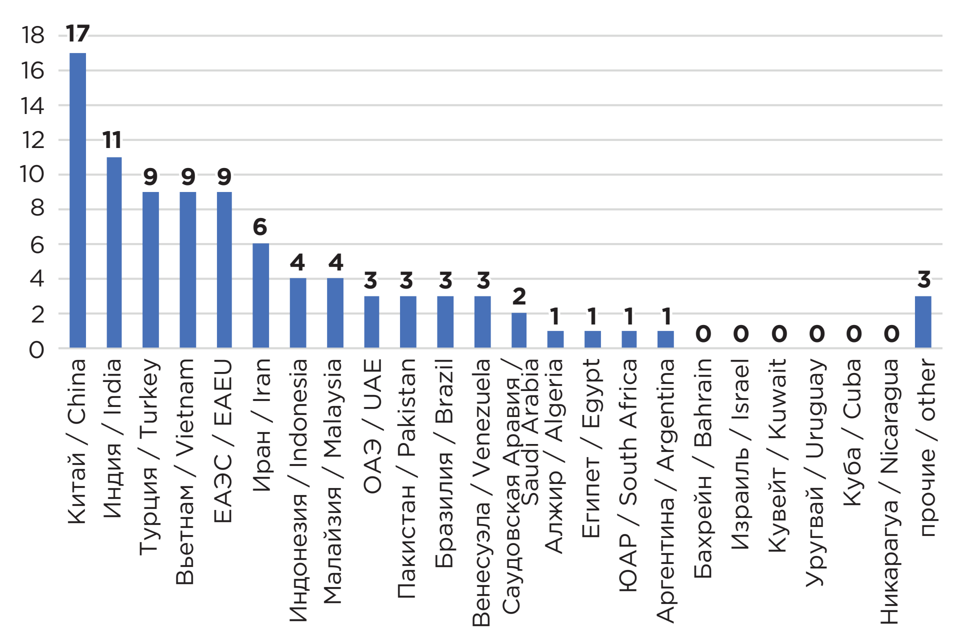

Рис. 5. Ответ экспертов на вопрос «С какими странами Вы или Ваша организация имеете профессиональные коммуникации?» (выбрать из предложенного списка)

Fig. 5. Experts' responses to the question "Which countries do you or your organisation have professional communications with?" (select from the provided list)

Примечание: ответило 35 экспертов.
Note: 35 experts responded.

Рис. 6. Ответ экспертов на вопрос «Уточните вид международного взаимодействия, подчеркнув подходящий для Вас ответ»

Fig. 6. Experts' responses to the question "Please specify the type of international interaction by underlining the answer that applies to you"

Примечание: ответил 31 эксперт.
Note: 31 experts responded.

По вопросу динамики взаимоотношений ответы были распределены следующим образом: 51,4 % ответили, что за последние 2 года доля международных контактов увеличилась (один эксперт указал, что существенно), 28,6 % — снизилась, 21,0 % — не изменилась. Эксперты конкретизировали, что увеличение доли международных контактов связано с тем, что сотрудничество с восточными странами, кроме некоторых из них, в приоритете. Отдельно эксперты отмечали снижение доли научных связей с Вьетнамом (из-за его политической позиции в 2023 г.; второй эксперт отметил, что «резкое падение уровня научных связей с Вьетнамом полностью инициировано вьетнамской стороной») и Казахстаном. Казахстан занял крайне осторожную позицию. Официального разрыва сотрудничества не было, но между тем ни на личные, ни на официальные запросы сторона не отвечает. На это указали двое экспертов. Один из экспертов отметил, что за последние 2 года дважды были отменены мероприятия по инициативе партнеров из Казахстана.

В случае выбора ответа об отсутствии сотрудничества мы просили ответить на дополнительный вопрос: «Заинтересованы ли Вы в установлении научных коммуникаций, если указанные Вами проблемы были бы решены?». Многие эксперты посчитали этот вопрос общим, в итоге о своем желании сотрудничать высказались 23 эксперта, 5 из которых ранее не взаимодействовали с иностранными исследователями.

Второй вопрос «Какая социально-экономическая и политическая повестка научных исследований требует первоочередного обсуждения в рамках международных взаимодействий научно-экспертного сообщества (независимо от страновой принадлежности)? В рамках каких организаций и механизмов такой диалог был бы наиболее продуктивен?» получил достаточно широкую трактовку среди экспертов. Были выявлены следующие особенности.

1. Часто (46 % ответов) эксперты отвечали на него исходя из личного исследовательского опыта. Иными словами, для экспертов наиважнейшей становилась именно их сфера научных интересов. С одной стороны, это вполне логично, с другой — вызывает сомнение готовность экспертов участвовать в общей научной повестке.

2. Несмотря на узкопрофильную ориентацию экспертного сообщества, можно выделить тему, которая упоминалась чаще всего, — это трансформация мирового порядка (6 ответов из 37 полученных). Данную повестку упомянули в т. ч. эксперты, чьи научные интересы не сопряжены с вопросами мироустройства. Выбор тематики во многом обусловлен политическим дискурсом и заявлениями российского МИД на данную тему. Поскольку проблема мировой трансформации является основной для стран Глобального Юга, мы можем говорить о потенциале сотрудничества российского экспертного сообщества с аналитиками из стран Глобального Юга в сфере выработки совместных рекомендаций в части реформирования мировой системы управления.

Ниже приведены примеры ответов, в которых есть указание на мировой порядок.

— «Трансформация современного мира: мировой политики, международных отношений, мирового порядка»
— «Взаимодействие с Россией в условиях геополитической турбулентности, расширения экономического сотрудничества с РФ»
— «Взаимодействие стран и регионов в условиях меняющегося миропорядка, перехода к полицентричности»
— «Вопросы о роли России и Африки в установлении нового миропорядка, о современных проявлениях колониализма»
— «Выбор позиции странами региона в условиях изменения глобального миропорядка и роль РФ — Социально-экономические последствия отказа от политики либерализации и проводящих ее МВФО»
— «Актуальной можно считать проблематику формирования многополярного мира и диалога цивилизаций, включая межрелигиозный диалог»

Среди других тем, которые выбрали более одного эксперта, — вопросы евразийства (двое: «перспективы евразийской интеграции» и «перспективы и проблемы развития Большого евразийского партнерства»), научно-технический прогресс (3 чел.), диалог цивилизаций (3 чел.: «современный мировой цивилизационный транзит: его основания, тренды, возможные социокультурные и политические результаты, условия и перспективы мирового межцивилизационного диалога», «диалог цивилизаций, включая межрелигиозный диалог», «цивилизационно-ценностные основания взаимодействия»).

Ниже приведены варианты ответов, не связанных напрямую с научным профилем эксперта. На основе контент-анализа публикаций эксперта мы оценивали, насколько ответ на 2-й вопрос коррелирует с научными интересами исследователя. В случае совпадения с научными интересами ответ был исключен из выборки.

— «Информационная безопасность, сотрудничество общественного сектора, межотраслевое взаимодействие и создание консорциумов»
— «Международные отношения, интеграционные процессы, развитие новых технологий»
— «Повестка научных обменов с Китайской академией общественных наук» (пример того, что данный вопрос понимали двояко: и как политическую повестку, и как проблемную повестку самой науки)
— «Проведение научных конференций, круглого стола и других мероприятий по проблемам безопасности, политической жизни этих стран, энергетики»
— «Развитие инструментов научной дипломатии; продвижение незападоцентричных подходов в международных отношениях»
— «Все зависит от темы госзадания. Она определяет повестку. В целом же нас интересуют модели развития национальной экономики в текущих условиях и роль взаимного сотрудничества в достижении целей национального развития» (ответ также говорит о сдерживающем факторе международного сотрудничества, когда эксперты ограничены в выборе тем государственным заказом)
— «Транспортные коридоры, региональная безопасность»
— «Углубление всестороннего сотрудничества»
— «Экономическое взаимодействие на уровне среднего и мелкого бизнеса, неформальная экономика, низовые инновационные инициативы»

— «Трансформации мировой экономики, климата, трансформация мировой финансовой системы, обсуждение крупных региональных конфликтов и горячих точек и будущего контроля над вооружениями»

3. Эксперты, как правило, не отвечали на вторую часть вопроса, посвященную структурам. Ответ был получен только от 10 экспертов, что составило 26 % от общего количества ответов на второй вопрос. Ниже приведены ответы экспертов.

— «ЮНЕСКО, Глобальный исследовательский совет (Global Research Council), Международный научный совет (International Science Council), Пагуошские конференции по науке и мировым отношениям, Международная федерация научных работников. Механизмы научно-исследовательского сотрудничества и научной дипломатии»
— «АСЕАН+ и БРИКС»
— «ШОС, ЕАЭС, АСЕАН»
— «Любые международные организации. Механизмы целеполагания и целедостижения, в том числе финансовые»
— «В рамках Российской академии»
— «В рамках РАМИ, РАПИ, ВЭО»
— «Организации — профильные научные институты и университеты»
«Наиболее продуктивно установление прямых контактов с исследовательскими центрами и университетами с организацией обменов и совместной подготовкой материалов»
— «Диалог был бы продуктивен в рамках политических партий, их мозговых центров, а также в рамках Университетских исследований» (специфика институтов в ответе респондента связана с темой исследования — партии Европы)
— «Одним из эффективных механизмов развития международной научной коммуникации могло бы стать появление грантов, участниками которых должны быть ученые из конкретных стран (или региона). Например, в РФФИ несколько лет назад был грант, в котором должны были участвовать ученые из России и Ирана. Тема могла быть любая (и естественные, и технические, и социально-гуманитарные науки), но, согласно условиям, должна участвовать группа ученых из России и Ирана. Также для развития международной научной коммуникации могло бы быть полезно финансирование участия в зарубежных конференциях, чтобы ученые понимали, что им оплатят участие, а если при этом еще будет предоставлен список значимых конференций, то это еще лучше. С другой стороны, можно поощрять приглашение зарубежных участников на значимые российские научные мероприятия. Например, конгресс молодых ученых, который ежегодно проходит в г. Сочи (в Сириусе). Если на подобные мероприятия приглашать зарубежных молодых ученых (важно, конечно, иметь финансирование на это), то это бы способствовало развитию научной коммуникации»

Таким образом, эксперты возлагают большую надежду на работу в рамках научных организаций (Академия наук, исследовательские центры, университеты), чем на международные организации. Схожие результаты были получены российскими учеными, изучавшими вопросы научной дипломатии. Они пришли к выводу, что определяющую роль во взаимодействии ученых и власти на меж-

дународной арене играют разнообразные научные объединения: международные исследовательские организации, академии наук и научные фонды [10—11].

О своей готовности участвовать в более расширенном интервью высказалось 43,0 % экспертов (18 исследователей). Процент желающих получить результат оказался выше — 71,4 %. Все эксперты, готовые участвовать в интервью, указали, что хотели бы получить результат нашего исследования. Российское научное общество неоднородно: при достаточно низкой степени вовлеченности в научную коммуникацию (процент ответов на письма составил 31 %) можно говорить о среднем уровне открытости готовых к коммуникации исследователей и достаточно высоком уровне заинтересованности в научных результатах коллег (если последнее не продиктовано правилами приличия межличностного общения).

Ответы экспертов иногда выходили за рамки опроса, благодаря этому удалось выявить проблемы, с которыми сталкивается российское научное сообщество при выстраивании зарубежных контактов. Приведем основные недостатки, указанные экспертами (перечень представлен в нашей обработке).

1. Специальная военная операция значительно ударила по официальному каналу взаимодействия, остались при этом личные связи. На эту причину чаще других указывали в контексте сотрудничества с Казахстаном, а также Вьетнамом. Эта точка зрения соответствует позиции РАН, озвученной академиком РАН Юлией Горбуновой: «...человеческие контакты не разрушились, а официальные сопряжены с трудностями»[5].

2. Аналитические центры с государственным финансированием испытывают дефицит финансовых ресурсов. Ответы экспертов касались небольших заработных плат, невозможности участвовать в международных форумах, прекращения академических обменов, нехватки денег для издания своих научно-исследовательских трудов. Эксперт в ходе устного опроса также отметил, что нередко приходится или вкладывать личные средства для поддержания международных научных связей, или же искать альтернативные источники финансирования самостоятельно. Например, Духовное собрание мусульман финансирует панельные дискуссии в рамках конференций, Московский исламский институт финансирует издание научных монографий. МГИМО выделил средства на исследования. Полученные данные коррелируют с действительностью: в 2018 г. на заседании президиума Академии наук практически каждый выступавший указывал, что у ученых и Академии наук, и у академических институтов после 2013 г. исчезла возможность финансировать научные контакты на разных уровнях[6]. И хотя до сих пор продолжаются дискуссии на

[5] В РАН сообщили о продолжении сотрудничества российских и зарубежных учёных. URL: https://russkiymir.ru/news/303845/?ysclid=lol2nwct70327103666 (дата обращения: 30.01.2024).

[6] Научная дипломатия или технологическое противоборство? О сотрудничестве российских и зарубежных ученых. Заседание Президиума Академии наук Российской Федерации. URL: https://www.interfax.ru/russia/594072 (дата обращения: 30.01.2024).

тему эффективности финансирования новой модели [12], бесспорным остается тот факт, что российская академическая наука остро нуждается в государственном финансировании. В большинстве стран правительство остается главным источником поддержки научных исследований [13].

3. Отсутствие академических обменов. Хотя среди ответов ряда экспертов академические обмены упоминались, были получены в т. ч. ответы, что после реформы РАН ученые не выезжали за рубеж в рамках академических обменов. Эксперт отметил, что, помимо государственной науки, есть структуры, которые более эффективно используют инструмент обмена и стажировок, например, «...Национальный исследовательский институт развития коммуникаций финансирует стажировки иностранцев в наших архивах. Они должны написать по итогу статьи. Если не сдают, то из этой страны не приглашают следующего. При этом организаторы получают обратную связь и улучшают саму программу».

4. Нет обратной связи от российских ученых — участников международного сотрудничества, в итоге проводимые мероприятия в рамках государственного финансирования оказываются низкоэффективными.

5. Затруднен доступ к источникам и литературе: многие из них стали платными, а на подписки на газеты и журналы в институтах не хватает средств. Более того, невозможно подписаться и индивидуально, т. к. нет возможности оплатить подписку. Уже неоднократно говорилось в научном сообществе и среди политиков о необходимости проработки вариантов преодоления блокирования доступа к информационным базам [14].

6. Один из экспертов высказал сомнение в целесообразности вынужденной смены географического направления научного сотрудничества: «Россия — европейская страна, сам разворот на Восток — некорректный термин, а китайские исследователи несвободны». По мнению эксперта, хотелось бы, чтобы институт расширял набор инструментов с учетом лучших практик и увеличил количество научных связей с Африкой и Азией.

7. Российские ученые не имеют возможности посещать изучаемые страны, информацию о них получают из российских источников, следствием чего становится неспособность России противостоять влиянию Запада на страны ЕАЭС. Эксперт привел пример фальсификации исторических фактов, когда США уже через месяц после информации о голодоморе в Казахской ССР выпустили книгу (Сара Камерон «Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана»), России нечем было возразить. Только посещение стран позволит видеть реальную картину происходящего, а не создаваемую российскими СМИ: «...ездить нужно, как минимум, — смотреть экспозицию, что сейчас в музее в части советского периода представлено. Серьезные книги спрашивают с историков, а в страны ездят политологи...».

8. Утрата профессионализма российского экспертного сообщества в сфере изучения стран постсоветского пространства. Практически не осталось специалистов, кто бы глубоко изучал

страны СНГ, многие уже в преклонном возрасте. Так, в июне 2023 г. состоялся конгресс истории Беларуси и Украины, наблюдалась нехватка специалистов из России, занимающихся данной темой. По оценке западных аналитиков, Китай все больше углубляет научное сотрудничество со странами, которые когда-то находились непосредственно в сфере влияния Москвы. Россия активно пока сотрудничает с Беларусью, но при сохранении текущих темпов и там вероятна утрата позиций в пользу Китая. В Казахстане Россия пока также ведущий партнер, но за последние 5 лет влияние Китая выросло в 10 раз в сфере научных публикаций[7].

9. «Постколониальная травма» российского общества, которая ведет к тому, что «взаимодействие с научным сообществом постсоветского пространства осуществляется не столько в интересах России, сколько на базе уступок и отчетности для галочки. Россия имеет низкокачественные научные связи в азиатских республиках, так как передовая наука ориентирована на европейцев». Например, финансируются мероприятия, но не имеем права выбирать приглашенную аудиторию, в ответ нам говорят о суверенном праве: «... наши совместные мероприятия для галочки, никто не смотрит на качество. Узбекистан, например, отправил в «Школу молодого историка» 3 человек — завхоза, программиста, юрисконсульта, т. е. людей, далеких от истории...» В России на данный момент нет решения этой проблемы.

Один из экспертов, имеющий опыт работы в государственной академической структуре и в частном аналитическом центре с сильными связями с западным экспертным сообществом, оценивал работу в частном аналитическом центре как более эффективную. В центре стажеры из разных регионов проходили стажировку (неоплачиваемую), центр проводил полевые исследования в постсоветских странах, ежедневно проходили мероприятия, конференции с учеными со всего света, для обмена опытом приезжали руководители иных подразделений центра. При этом сам центр проводил достаточно автономную от главного спонсора в идеологическом плане работу.

Стоит отметить, что о проблемах в сфере международного сотрудничества говорили эксперты из аналитических центров, относящихся к Российской академии наук, которая в то же время осуществляет самые широкие форматы международного сотрудничества.

Заключение / Conclusion

Проведенный опрос выявил заинтересованность российского экспертного сообщества в установлении контактов с зарубежными партнерами из стран Глобального Юга, в связи с чем можно выделить одну из функций аналитических центров — распространение объективной информации о России. Осуществляемое на данный

[7] Jo J., Adams J., Grant J., Murphy D. Stumbling Bear, Soaring Dragon: Russia, China and the Geopolitics of Global Science // Mossavar-Rahmani Center for Business and Government; Policy Institute at King's College London. 2022.

момент сотрудничество говорит пока о низком уровне вовлеченности российских ученых, что в первую очередь связано с финансовыми проблемами и особенностями российской академической науки. В качестве повышения вовлеченности в сотрудничество предлагается организовать научные конференции на территории России с привлечением российских и иностранных специалистов с целью установления личного контакта и создания сети экспертного общества и базы данных по иностранным экспертам — с контактами и тематикой научных интересов.

В то же время остаются риски потери научной объективности под влиянием политики, восприятия мягкой силы не как направления развития гуманитарных контактов, а как силы, и российской науки как инструмента пропаганды.

Переход на более глубокий уровень взаимодействия с иностранными партнерами позволит повысить информированность иностранных коллег, перейти к практическому применению науки с целью решения совместных проблем и выработки совместных рекомендаций.

Важно учитывать, что международное сотрудничество осуществляется нередко по распоряжению, без личной заинтересованности, расширение международных контактов становится обременением для исследовательских организаций; в свою очередь, это ведет к тому, что взаимодействие осуществляется с одним и тем же кругом лиц. Необходимо уходить от количественного измерения в пользу качественной оценки взаимодействия, а также исходить из объективного понимания, что при существующем уровне финансирования науки возлагать дополнительные функции на сотрудников без предоставления ресурсов — это имитировать научное сотрудничество, а не поощрять его.

Список использованных источников

1. Дежина И. Г. Международное научное сотрудничество российских вузов в новых условиях: ограничения и возможности // Проблемы развития науки и образования. 2022. Т. 52, № 11. С. 125—143. DOI: https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-11-125-143

2. Мониторинг взаимодействия российских научных и образовательных организаций с зарубежными учеными // Д. В. Золотарев [и др.] // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14, № 2. С. 292—330. DOI: https://doi.org/10.33873/2686-6706.2019.14-2.292-330

3. Региональные особенности взаимодействия российских научных организаций и вузов с иностранными учеными: методика оценки / И. Н. Васильева [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 1. С. 34—54. DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.2

4. Краснова Г. А., Райнхардт Р. О., Шакиров О. И., Соловьев Д. Б. Новые горизонты научной дипломатии в России: Доклад № 63/2020 / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020.

42 с. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Science-Diplomacy-Report63.pdf?ysclid=lte098a6s6658638947 (дата обращения: 30.01.2024).

5. Яковлев П. П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 2. С. 6—27. DOI: https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

6. Flink T., Schreiterer U. Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches // Science and Public Policy. 2010. Vol. 37, issue 9. P. 665—677. DOI: https://doi.org/10.3152/030234210X12778118264530

7. Краснова Г. А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021 / вып. ред. Карпинская Е. О., Бочаров И. А. М.: НП РСМД, 2021. 48 с. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Science-diplomacy-UMM9.pdf?ysclid=lte2gatqz7217101349 (дата обращения: 30.01.2024).

8. Соколов М. М., Титаев К. Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239—275. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019/sokolov_titaev.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

9. Кортунов А. В. Новая модель международного сотрудничества в сфере общественных и гуманитарных наук // Наука. Инновации. Образование. 2007. Т. 2, вып. 2. URL: https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2007/55323fae1737b80213a2c278d7b8798a.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

10. Крынжина М. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 4. С. 193—208. DOI: https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.12

11. Блинов А. Н., Талагаева Д. А. Научное сообщество как политический актор: роль международных научных объединений // Полития. 2014. № 1. С. 174—183. DOI https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-72-1-174-183

12. Ерёменко Г. А. Новая модель государственного финансирования инициативных научных исследований // Наука. Инновации. Образование. 2007. Т. 2, вып. 2. С. 53—62. URL: https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2007/7c5c878d86b1505fd27781ebe1060a24.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

13. Блинов А., Коннов В. Национальные научные фонды и финансирование фундаментальной науки // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 6. С. 5—13. DOI: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-5-13

14. Шепелев Г. В. Международное научное сотрудничество — подходы к анализу ситуации // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 33—43. DOI: https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.2.3

Информация об авторе

Вавилова Людмила Игоревна, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам РАН (117418, Россия, г. Москва, Нахимовский просп., д. 51/21), likravchenko88@mail.ru

References

1. Dezhina IG. International Scientific Cooperation of Russian Universities in New Conditions: Limitations and Opportunities. *ECO*. 2022;52(11):125-143. DOI: https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-11-125-143 (In Russ.)

2. Zolotarev DV, Belov FD, Vasileva IN, Malakhov VA, Smirnova AV. Monitoring of Interaction of Russian Scientific and Educational Organizations with Foreign Scientists. *Science Governance and Scientometrics*. 2019;14(2):292-330. DOI: https://doi.org/10.33873/2686-6706.2019.14-2.292-330 (In Russ.)

3. Vasilyeva IN, Pokrovsky DS, Demidov AV, Bitkina IV, Rebrova TP. Methodology for Assessing Regional Specifics of Interaction Between Foreign Scientists and Russian Scientific Organizations and Universities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(1):34-54. DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.2 (In Russ.)

4. Krasnova GA, Rainhardt RO, Shakirov OI, Solovyev DB. New Horizons of Sciense Diplomacy in Russia: Report № 63/2020. Russian International Affairs Council. Moscow: NP RCMD, 2020. 42 p. Available at: https://russiancouncil.ru/papers/Science-Diplomacy-Report63.pdf?ysclid=lte098a6s6658638947 (accessed: 30.01.2024). (In Russ.)

5. Yakovlev PP. Global South: Conceptual Approaches and SocioEconomic Processes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021;14(2):6-27. DOI: https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-1 (In Russ.)

6. Flink T, Schreiterer U. Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches. *Science and Public Policy*. 2010;37(9):665-677. DOI: https://doi.org/10.3152/030234210X12778118264530

7. Krasnova GA. Science-Diplomacy in the Modern World: Educational Materials. No 9/2021 / ed. by E. O. Karpinskaya, I. A. Bocharov. Moscow: NP RCMD, 2021. 48 p. Available at: https://russiancouncil.ru/papers/Science-diplomacy-UMM9.pdf?ysclid=lte2gatqz7217101349 (accessed: 30.01.2024). (In Russ.)

8. Sokolov MM, Titaev KD. "Provincial" and "Indigenous" Scholarship in the Humanities and Social Sciences. *Forum for Anthropology and Culture*. 2013;19:239-275. Available at: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019/sokolov_titaev.pdf (accessed: 30.01.2024). (In Russ.)

9. Kortunov AV. New Model for International Cooperation in the Social and Human Sciences. *Science. Innovation. Education*. 2007;2(2). Available at: https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2007/55323fae1737b80213a2c278d7b8798a.pdf (accessed: 30.01.2024). (In Russ.)

10. Krynzhina M. Interpretations of Science Diplomacy in Russian Academic Community. *International Trends*. 2018;16(4):193-208. DOI: https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.12 (In Russ.)

11. Blinov AN, Talagaeva DA. Scientific Community as Political Actor: Role of International Scientific Organizations. *The Journal of*

Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia. 2014;1:174-183. DOI: https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-72-1-174-183 (In Russ.)

12. Eremenko GA. New Model of State Financing of Research Initiatives. *Science. Innovation. Education.* 2007;2(2):53-62. Available at: https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2007/7c5c878d86b1505fd27781ebe1060a24.pdf (accessed: 30.01.2024). (In Russ.)

13. Blinov A, Konnov V. National Science Foundations and Basic Science Funding. *World Economy and International Relations*. 2017;61(6):5-13. DOI: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-5-13 (In Russ.)

14. Shepelev GV. International Scientific Cooperation — Approaches to the Analysis of the Situation. *Science Management: Theory and Practice*. 2022;4(2):33-43. DOI: https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.2.3 (In Russ.)

Information about the author

Lyudmila I. Vavilova, Junior Researcher at the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow 117418, Russia), likravchenko88@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Поступила 06.12.2023 *Submitted 06.12.2023*
Одобрена 23.01.2024 *Approved 23.01.2024*
Принята 26.02.2024 *Accepted 26.02.2024*